

Ангел. Генрик Сенкевич

Картинка деревенской жизни

Схоронив Каликстову, в городке Деришкурове отслужили по ней панихиду, а после панихиды в костеле осталось еще несколько старух, чтобы допеть псалмы. Было только четыре часа пополудни, но зимой об эту пору уже смеркается, и в костеле стало темно. Необычно большой алтарь тонул во мраке; две свечи еще теплились возле дароносицы, и их мерцающее пламя слабо освещало золотые дверцы и над ними ноги распятого на кресте Спасителя, пробитые огромным гвоздем. Шляпка этого гвоздя выделялась на алтаре круглой блестящей точкой. Остальные свечи только что погасили, и над ними вились тоненькие струйки дыма, наполняя воздух чисто церковным запахом воска.

У подножья алтаря суетились старик и мальчик. Один подметал, другой стаскивал ковер со ступеней. В те минуты, когда бабы переставали петь, слышно было, как старик сердитым шепотом бранит мальчика и как о запорошенные снегом окна бьются воробьи, которым холодно и голодно было на дворе.

Женщины с молитвенниками сидели на скамьях у входных дверей. Там было бы еще темнее, если б не несколько сальных свечек, которые они зажгли, чтобы облегчить себе чтение. Пламя одной свечи довольно ясно освещало хоругвь с изображением грешников, адского пламени и чертей, прикрепленную к стоящей впереди скамье. На других хоругвях нельзя было ничего разобрать.

Сидящие на скамьях женщины не пели, а бормотали сонными голосами псалом, в котором все время повторялись слова:

Когда придет наш последний час,

Пред Сыном будь заступницей за нас...

Царящий в костеле полумрак, торчащие над скамьями хоругви, желтые лица старух, пугливо трепещущие огоньки свечей - все это вызывало гнетущее чувство и даже страх. Унылая зауспокойная песнь была вполне под стать окружающему.

По временам женщины переставали петь; одна из них вставала со скамьи и дрожащим голосом говорила: "Богородица, дева, радуйся". Остальные подхватывали: "Господь с тобою..." Но поскольку в тот день схоронили Каликстову, они после "Богородицы" прибавляли: "Царствие небесное и вечный покой подаждь, господи, усопшей рабе твоей и сотвори ей вечную память".

Марыся, дочка Каликстовой, сидела на скамье рядом с одной из старух. На свежую могилу ее матери в это время тихо падал пушистый снег, но девочке было всего десять лет, и она, казалось, не сознавала ни своей утраты, ни того сострадания, которое вызывала. Ее личико с огромными голубыми глазами было детски безмятежно и даже безучастно. На нем проступало лишь легкое любопытство - не больше. Раскрыв рот, она сосредоточенно глядела на хоругвь, где были нарисованы грешники в адском огне, потом перевела взгляд в глубь костела, потом на окна, в которые бились воробьи.

Глаза ее смотрели все так же равнодушно. Бабы между тем в десятый раз принялись бормотать сонными голосами:

Когда придет наш последний час...

Девочка наматывала на палец прядь своих светлых волос, заплетенных сзади в две косички, тоненькие, как мышьи хвостики. Ей, видимо, было скучно. Но вот внимание ее привлек старик. Он вышел на середину костела и стал дергать узловатую веревку, свисавшую с потолка, Звонил он по Каликстовой, но делал это совершенно механически, думая, наверно, о чем-то другом.

Звон этот означал также, что вечерняя служба окончена. Бабы, повторив в последний раз свою просьбу о ниспослании им легкой кончины, вышли из костела на рынок. Одна из них вела за руку Марысю.

- Куликова, - спросила у нее другая, - что думаете с девчонкой-то делать?

- А что с ней делать? Вот поедет Войтек Маргула, которого на почту прислали, обратно в Лещинец, он ее и захватит. А то куда же ее девать?

- А в Лещинце что она делать будет?

- И-и, милая! Да то же, что и здесь. Пусть уж ее идет, откуда пришла. Глядишь, и в усадьбе приютят сироту, позволят переночевать в людской.

Разговаривая так, шли они через рыночную площадь к корчме. Сумерки сгущались. Стояла тихая зимняя погода; небо заволочили тучи, и было сыро, пахло талым снегом. С крыш капало, площадь покрывало грязное месиво из снега и соломы. В городке с его жалкими, облезлыми домишками было так же уныло, неприятно, как и в костеле. Кое-где в окнах светились огоньки; дневная суета улеглась, и только в корчме шарманка наигрывала оберек.

Играла она, зазывая гостей. В корчме не было ни души. Бабы вошли, выпили водки. Куликова и Марысе протянула полрюмки с такими словами:

- На-ка, глотни. Сирота ты теперь, не видать тебе больше ласки.

Слово "сирота" напомнило кумушкам смерть Каликстовой.

- За ваше здоровье, Куликова! Выпейте! - сказала Капустинская. - И-и, касатки! Как ее паралич-то схватил, она и охнуть не успела. Ксендз исповедовать пришел, а она уже холодная лежит.

Куликова на это заметила:

- Я уже давно говорила, что она на ладан дышит. Намедни пришла она ко мне в воскресенье, я и говорю ей: "Эй, Каликстова, Каликстова, отдали бы вы лучше Марыську в усадьбу". А она отвечает: "Одна она у меня на свете, никому я ее не отдам". А сама в слезы, видать истомилась вся. Потом пошла в канцелярию, к войту, бумагу выправить. Четыре злотых и шесть грошей стала ей эта бумага. "Для доченьки, говорит, не жалко". И-и, касатки! У нее в ту пору глаза уже были вытаращены, а после смерти и вовсе выкатились. Хотели их закрыть, да сколько ни старались, ничего не вышло. Люди говорили, что она, мол, и мертвая все на дочку свою глядела.

- Выпьем с горя еще по стаканчику!

Шарманка все играла плясовую. Кумушки слегка захмелели. Куликова все повторяла жалобным голосом: "Бедная ты, бедная", а Капустинская вспомнила покойного своего

мужа:

- Как помирал он, то уж так вздыхал, так вздыхал, так вздыхал... твердила она и, растягивая слова, невольно стала повторять их нараспев, в такт шарманке, а потом и вовсе перешла на мотив оберега и, подбоченясь, запела:

Он вздыхал, вздыхал, вздыхал,

Ой, вздыхал, как помирал!

Но вдруг заплакала навзрыд, бросила шесть грошей шарманщику и выпила еще водки. Куликова тоже растрогалась, но она излила свои чувства на Марысю:

- Не забудь, сиротка, что сказал тебе пан ксендз, когда мамку твою в могилу зарывали: андел хранит тебя... - Тут она внезапно замолчала и, удивленным взглядом посмотрев вокруг, с необычайной энергией добавила:

- Говорю андел - значит, андел!

Никто ей не перечил. Марыся, беспомощно моргая своими бедными глупыми глазенками, уставилась на Куликову, а та разглагольствовала:

- Ты сиротка, к тебе нечистая сила не подступится, Сирот андел хранит. Он добрый. На, вот тебе десять грошей. Иди хоть пешком в Лещинец, все равно не заблудишься: он тебя доведет.

Капустинская запела:

Под сенью крыл хранит тебя навечно,

Его защите вверься ты беспечно,

- Тише! - крикнула Куликова и снова обратилась к Марысе: - Говори, глупая, кто хранит тебя?

- Андел, - тоненьким голосом ответила девочка.

- Сиротинушка ты, ягодка моя, букашечка! Андел с крыльшками тебя хранит, - совсем расчувствовавшись, пробормотала Куликова и с пьяной, но искренней горячностью прижала девочку к своей груди.

Девочка расплакалась. В этот миг в ее несмышленной головке и неискушенном сердце, может быть, пробудилась какая-то смутная догадка.

Корчмарь крепко спал за стойкой, сальные свечи оплыли грибами; шарманщик перестал играть: его забавляла сцена, происходившая у него на глазах.

В корчме наступила тишина, но вот за дверью зачавкали по грязи копыта и кто-то крикнул:

- Тпру!

Вошел Войтек Маргула с зажженным фонариком. Поставив его на пол, он стал похлопывать руками, чтобы разогреться, а потом крикнул корчмарю:

- Дай-ка стаканчик!

- Маргула, леший тебя заешь, - воскликнула Куликова, - отвези девчонку в Лещинец!

- Как не отвезти, коли велено, - ответил он и, приглядевшись к бабам, заметил: - Ну и нализились вы, как...

- Да пропади ты пропадом... - огрызнулась Куликова. - Говорю, береги девчонку - значит, береги. Сирота она. Знаешь ты, олух, кто хранит ее?

Но Войтек не снизошел до ответа: этот предмет, видно, мало его занимал, и он обратился к другому, то есть к стакану с водкой.

- Чтоб вам... - начал было он, но не договорил, потому что в этот момент опрокинул водку в рот, сморщился, плюнул и, ставя стакан, недовольно сказал: - Да это ж вода, а не водка. Налей-ка из другой бутылки!

Корчмарь налил из другой. Войтек выпил и скривился еще сильнее:

- А арака у тебя не найдется?

Маргуле, очевидно, грозила та же опасность, что и бабам. Следует, однако, принять во внимание, что в это самое время деришкоровский помещик сочинял для одного журнала пространный и исчерпывающий трактат под названием: "Право землевладельца на винный откуп - основа общественного устройства". Таким образом, Войтек, сам того не ведая, содействовал укреплению общественных устоев, тем более что это питейное заведение, хоть и находилось в городке, принадлежало помещику.

Внеся свою ленту этак раз пять кряду, Войтек, правда, позабыл про фонарь, в котором погасла свечка, но зато не забыл про Марысю. Взяв полусонную девочку за руку, он сказал:

- Айда, заморыш!

Бабы уснули в своем углу, и никто не попрощался с Марысей. Что ж, дело житейское: мать ее осталась лежать на кладбище в Деришкорове, а она ехала в Лещинец.

Они вышли, уселись; Маргула крикнул: "Но-о!" - и лошади тронулись. Поначалу сани с трудом тащились по уличной грязи, но скоро лошади вынесли их на широкие белые поля. Сани легко заскользили по снегу, чуть слышно скрипевшему под полозьями. Только изредка фыркала лошадь да где-то далеко-далеко лаяла собака.

Так они ехали да ехали. Войтек погонял и напевал себе под нос: "Помнишь ли, бездельник, что мне обещал..." Но скоро он замолчал и стал клевать носом. Качнулся вправо, влево... Ему снилось, будто в Лещинце ему надавали по шее за то, что он потерял сумку с письмами, и сквозь сон он время от времени бормотал "Чтоб вас!" Марыся не спала, ей было холодно. Широко раскрытыми глазами смотрела она на белые поля, которые то и дело заслоняла черная спина Маргулы. Смотрела и думала: "Матуля померла", и в ее воображении всплывало бледное, худое лицо матери с глазами навывкате. Смутно она сознавала, что "матули", которую она так

любила, нет уже в Лещинце и больше никогда-никогда там не будет. Ведь она своими глазами видела, как ее зарывали в землю. Марыся, быть может, заплакала бы с горя, вспоминая все это, но у нее замерзли ноги, и она заплакала от холода.

Мороза, правда, не было, но погода стояла промозглая, как всегда в оттепель. У Войтека по крайней мере хоть желудок сохранял изрядный запас тепла, почерпнутый в корчме. Деришуровский помещик весьма резонно отмечал, что "зимой водка согревает, а поскольку она для мужика - единственная утеха, то, следовательно, лишая крупных землевладельцев исключительного права нести это утешение в народ, их лишают и возможности влиять на него". На сей раз Войтек так разутешился в корчме, что ничто на свете его не могло бы омрачить.

Не омрачило его и то обстоятельство, что, достигнув леса, лошади поплелись шагом, хотя дорога здесь была куда лучше, а потом забрали в сторону и опрокинули сани в придорожную канаву. Он, правда, проснулся, но так и не уразумел, в чем дело.

Марыся стала его тормозить:

- Войтек!
- Чего пищишь?
- Мы перевернулись.

Но Войтек буркнул: "Стаканчик?" - и снова крепко заснул.

Девочка, сжавшись в комочек, примостилась возле саней. Но лицо у нее скоро совсем застыло, и она опять затеребила спящего:

- Войтек!

Ответа не было.

- Войтек, домой хочу! - сказала Марыся и, немного погодя, добавила: Войтек, я пешком пойду!

И она пошла. Ей казалось, что до Лещинца совсем близко. Дорога была знакомая, она каждое воскресенье ходила по ней с матерью в костел. Но сегодня она шла одна. Несмотря на оттепель, в лесу лежал глубокий снег. Зато ночь была совсем светлая. Снег искрился, в вышине светились тучи, и в этом сиянии дорога была видна, как днем. Устремив взор в глубину темного леса, Марыся отчетливо различала вдали черные неподвижные стволы деревьев, четко рисовавшиеся на белом фоне. Видела она и снег, снизу доверху облепивший их. Какое-то всеобъемлющее спокойствие было разлито в лесу, и оно придавало девочке смелости. С сучьев, на которые намерзла толстая ледяная корка, падали капли и с тихим шорохом разбивались о ветки и веточки. Кроме этого слабого шороха, в лесу не было слышно ни звука. Безмолвие, глушь, тишина и снег, снег кругом.

Ветер стих. Осыпанные снегом ветки не шелохнутся. Все спало зимним сном. Казалось, будто белоснежная скатерть, устилавшая землю, и молчаливый, запорошенный снегом лес, и бледные тучи на небе - все слилось в одну сплошную мертвенную белизну. Так бывает в оттепель. Единственным живым существом, которое, словно крошечная черная точка, двигалось среди этих безмолвных

исполинов, была Марыся. Милый, добрый лес! Может быть, это не вода каплет, а слезы льются над сиротой. Такие большие деревья, а как жалеют малютку. Бедная, слабенькая бредет она одна-одинешенька ночью по занесенному снегом лесу, но с верой - и все ей нипочем! Ясная ночь словно охраняет ее. Есть что-то необычайно трогательное в том, что маленькое беззащитное существо вверяется столь могущественной силе. Так и все сущее отдается на волю божью. Девочка шла долго и, наконец, совсем выбилась из сил. Ей мешали идти большие тяжелые сапоги, которые поминутно спадали с ее маленьких ножек. Нелегко было вытаскивать из снега эти огромные сапожищи. К тому же и руки у нее были заняты: в одной, вытянутой с напряжением вперед, она крепко сжимала монетку, подаренную Куликовой. Она боялась уронить ее в снег. Иногда девочка принималась громко плакать, но сразу же умолкала, словно хотела проверить, не услышит ли кто ее плача. О да, лес слышал ее. Капель шуршала как-то особенно монотонно и жалобно. А может быть, девочку слышал и кто-то еще? Марыся шла все тише и тише. Уж не заблудилась ли она? Да где там! Дорога широкой белой лентой, сужаясь вдаль, вьется между двумя стенами темных деревьев. Девочку клонило в сон.

Она сошла с дороги и присела под дерево. Глаза у нее слипались. Вот ей чудится, будто "матуля" спешит к ней с кладбища по белой равнине. Но никого нет. Девочка, однако, была уверена, что кто-то должен прийти. Кто же? Ангел. Ведь старая Куликова говорила, что "андел" ее хранит. Марыся даже знала, какой он. В их хатенке был нарисован на картинке ангел с крыльями и с лилией в руке. Он непременно придет. Капли закапали громче. Это, наверное, ангел крыльями задел за ветки. Тсс! Кто-то идет сюда, слышно, как шуршит рыхлый снег, шаги все ближе и ближе - осторожные, но торопливые. Марыся доверчиво открывает сонные глаза.

Что это?

Серая, клиновидная голова с торчащими ушами уставилась на девочку... страшная, отвратительная.